

**ИСТОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ КАРЭЛИИ**

3

ЦГБ Петрозаводск

80008855

V

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

5935 - 15.10.14
5286 - 20.01.15
318 - 30.01.15
5935 - 12.12.15

K83 + 83.3P
И90

С К

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Редактор тома Ю. И. ДРОБОВ
И. С. НАДЫРНИХ (главный редактор), Ю. И. ДРОБОВ
Э. Р. АЛТА, А. Н. РАТНИК (зам. главного редактора)

Редакторы
Е. В. ТУВАРЕН, Э. Р. АЛТА, Ю. И. ДРОБОВ

УДК 82.01 (081)
ББК 82.01.01

87957 - 2

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

3

Петрозаводск
2000

02

W

Редакционная коллегия
Н. С. НАДЪЯРНЫХ (главный редактор), Ю. И. ДЮЖЕВ,
Э. Л. АЛТО, А. И. ЧАГИН (зам. главного редактора)

Редактор тома Ю. И. ДЮЖЕВ

Рецензенты
Е. Е. ЗУБАРЕВА, Э. Л. АЛТО, Е. М. НЕЁЛОВ

УДК 894.542 (091)
ББК 83.3 (2 Рос=Карел)

Монографическое исследование посвящено творчеству русских и вепских писателей Карелии. В обобщающих главах дается подробная характеристика историко-литературного процесса. В серии очерков творчества показано многообразие писательских индивидуальностей. Особое внимание уделено проблематике поэтики, роли классического наследия в формировании литературы, процессу взаимообогащения литературы Карелии, создающейся на карельском, вепском, финском и русском языках.

Публикацией данного труда завершается издание «Истории литературы Карелии» в 3-х томах.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Республики Карелия*

ISBN 5-9274-0033-7

© Российская Академия наук, 2000
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2000

массовую песню, работа литературных объединений в районах республики, выпуск литературных страниц в газетах. Для тех писателей, которые соглашались творить в рамках социалистического реализма, создавались, в общем-то, благоприятные условия. Журнал «На рубеже» начиная с 1947 года стал выходить ежемесячно. Возросло число издаваемых в Петрозаводске книг местных авторов. Ряд произведений карельских авторов был опубликован в столичных издательствах.

И все же при всем критическом отношении к литературе мирных послевоенных лет отметим, что этот период был не только временем существования отжившего, старого, но и поиском возможностей нового. Действительно, на развитии искусства в те годы самым непосредственным образом сказывалось «воздействие субъективистских тенденций», «отсутствие самостоятельного идейно-художественного решения темы», «осторожное скольжение по поверхности фактов»¹. Война в повести «Мы продолжаем жить» (1951) Г. Юровского и романе «Разведчики» (1948—1952) В. Чехова иной раз выглядела сказочным действием, когда по мановению волшебной палочки герои удачно проходили через огонь и воду. «Теория бесконфликтности» вводила некоторых литераторов от решения острых проблем взаимоотношений между людьми — наглядный пример тому опубликованный журналом «На рубеже» (1947, № 5—7) роман Г. Фиша «Огни Каменного Бора». Но в те же годы набирала силу тенденция рассматривания жизненных явлений в их сложности и противоречивости — в прозе П. Борискова, А. Линевского, Д. Гусарова, в стихах В. Морозова и Г. Кикинова. Внутри «государственной» литературы появились новые элементы, происходил их количественный рост во взаимодействии противоречивых сторон, явлений, процессов; шла борьба по различным параметрам и в различных формах, что и было внутренним источником развития. Художественная достоверность противостояла «теории бесконфликтности» с ее стремлением «выдавать многое из только еще желаемого за уже сущее... смотреть и на прошлое Советской страны с позиций приукрашивания жизни»².

События общественной жизни середины 1950-х годов способствовали художественному освоению и осмыслению новых социальных психологических и нравственных проблем народной жизни. Карельские прозаики стали расширять сферу социальной и этической проблематики, вскрывать теневые стороны, изображать не условных, а живых людей села, бороться за достоверность в главном и мелочах. Произведения Ф. Трофимова «Воз березовых дров» (1959) и Э. Кононова «Весной» (1958) объединяет стремление внимательно взглянуть в судьбы северного села, преодолевающего «тугие улыбки» жизни. В поэзии и прозе писателей-фронтовиков

¹История русского советского романа. М.; Л., 1965. Кн. 2. С. 85—86.

²Симонов К. М. О советской художественной прозе // Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стеногр. отчет. М., 1956. С. 95.

авторское внимание сосредоточивалось на «судьбе человека». Не случайно, что дальнейшее развитие русской литературы Карелии было связано с именами Д. Гусарова, А. Линевского, В. Соловьева и других писателей, прошедших серьезную жизненную и писательскую школу в годы войны и в трудное послевоенное время.

ЛИТЕРАТУРА ВОЕННЫХ ЛЕТ

Проза. Поэзия. Драматургия

Созданные непосредственно по горячим следам событий поэзия, проза и драматургия военных лет и сегодня вызывают особый читательский интерес, — они рассказывают правду о героическом сердце народа, вынесшем все испытания и не утратившем высоких человеческих достоинств на главной дороге боя.

За неполных два года войны только в редакцию армейской газеты «Часовой Севера» пришло свыше двух тысяч стихотворений³. А между тем в те же годы для солдат Севера выходили ежедневные красноармейские газеты: Карельского фронта — «В бой за Родину», 7-й отдельной армии — «Во славу Родины», 7-й воздушной армии — «Боевая вахта», 32-й армии — «Боевой путь», 26-й армии — «Красноармейский удар», 19-й армии — «Сталинский боец», Беломорской военной флотилии — «Северная вахта», Северного флота — «Краснофлотец», военно-воздушных сил Северного флота — «Североморский летчик». И в каждой газете на видном месте помещались стихи и рассказы.

На время войны привычное представление о «карельской литературе» соединилось с понятием «литература Карельского фронта», поскольку в условиях оккупированной врагом территории республики именно военные газеты и их полиграфическая база служили центром притяжения писателей, большинство из которых были внештатными и штатными корреспондентами редакций. В выходившей на русском, татарском и казахском языках фронтовой газете «В бой за Родину» трудились А. Абсалямов, Гиз эль-Габид, А. Коваленков, Вл. Курочкин, Р. Троянker, Г. Фиш, П. Шубин. В газете «Часовой Севера» сотрудничали К. Бельхин, И. Бражнин, В. Заводчиков, Б. Кежун, Б. Костелянец, М. Левитин, В. Харьюзов; в газете «Во славу Родины» — В. Владимиров, В. Друзин, П. Лукницкий, Г. Холопов; «Красноармейский ударник» — Н. Занин, М. Левин, М. Резник и другие. В качестве специальных военных корреспондентов на Карельском фронте бывали В. Беляев, Н. Вирта, В. Каверин, Л. Кассиль, Е. Петров, А. Платонов, К. Симонов, В. Ставский.

Своими произведениями помогали общему делу члены карельской писательской организации Т. Гуттари (Л. Хело), А. Иванов, А. Линевский, Ю. Никонова, С. Норин, Х. Тихля, В. Чехов, А. Эйкия, сказители

³ Кежун Б. Песни мести и гнева // Часовой Севера. 1943. 5 мая.

Ф. Быкова, А. Пашкова, П. Рябинин-Андреев, Ф. Свинын, литературовед и фольклорист В. Базанов. В годы войны в Карелии прошли школу жизни и литературного мастерства Д. Гусаров, Л. Гренлунд, Н. Лайне (Н. Гиппиев), П. Пертту, Я. Ругоев, А. Степанов, А. Тимонен, Ф. Трофимов и другие.

Строки в полевых блокнотах для некоторых журналистов и писателей были последними в их жизни. Среди них — Лев Канторович, Иван Кутасов, Федор Исаков. Возвращаясь в апреле 1942 года с переднего края боевых действий, простудился и после тяжелой болезни умер С. Норин.

В горниле войны на разных фронтах Великой Отечественной войны побывали карельские литераторы П. Борисков, У. Викстрем, Ф. Ивачев, Г. Кикинов, И. Петров (Тойво Вякя), И. Симаненков, М. Сысойков, А. Титов, В. Усланов, Ю. Чепасов, Б. Шмидт, Н. Яккола. В каких бы трудных условиях ни приходилось воевать литератору-фронтовику, он никогда не забывал, что «воин пишущий — вдвойне воин! Он воюет своим оружием и воюет своим словом, воодушевляя на подвиг, на борьбу, на победу!»⁴

Совещание красноармейских писателей и поэтов состоялось в Мурманске 14—15 марта 1942 года. Собравшиеся обменялись опытом творческой работы, подвели итоги конкурса на лучшую красноармейскую песню Карельского фронта. Из 202 присланных на конкурс текстов лучшими были признаны песни А. Коваленкова «Летят, бегут денечки фронтовые» и Б. Кежуна «Песня десятой гвардейской». Аналогичные конкурсы провели газеты «В бой за Родину» и «Боевой путь».

Атмосфера военных лет усилила жажду прекрасного, высоких одухотворенных чувств. Солдаты создавали песни о боевых друзьях, о своей ратной профессии. Стихотворное послание к любимой красноармейца И. Мишурина уже после гибели автора было опубликовано 19 декабря 1942 года в газете «Краснофлотец». Через несколько дней листок бумаги со стихотворением нашли в нагрудном кармане героически погибшего морского пехотинца Василия Белоусова. Так «правда сердца» соединила судьбы солдатского поэта и матроса.

«Пусть неопытность и неумение не останавливает никого, — обращалась к читателям газета «Боевой путь» 25 января 1944 года. — Стихам, рассказам, очеркам, рожденным в блиндаже, в землянке, в окопе, — честь и место на страницах красноармейской газеты». Солдатская муза отвечала человеческой потребности в искусстве, в добром душевном слове. Самодеятельные авторы могли публиковаться не только на страницах газет, но и во многих книгах и сборниках армейских литераторов: в сборнике стихов поэтов Карельского фронта «За родную Карелию» (1943), в книге очерков и стихов «На правом фланге» (1944), в сборниках фронтового юмора «Девять рассказов» (1943), «Дела да случаи» (1943), «И в хвост и в гриву» (1943) и других. В предисловии к сборнику рассказов и стихов

⁴Боевой путь. 1944. 27 янв.

ситуации, они неизменно побеждают врага и остаются живыми. Враги как «существа низшего типа» отвратительны и опасны, к тому же достаточно глупы, и поэтому победа героя предreshена. Это где былинное, где лубочное изображение героев входит в противоречие с описанными в романе реальными трагическими ситуациями, конкретными фактами военного быта и боевых сражений. Два типа повествования — квазиэпический и социально-психологический постоянно накладываются друг на друга.

Наиболее удачна первая часть первой книги романа — «Карельский камень». На пути ее героев — дремучие леса, огромные каменные глыбы и валуны. Чтобы действовать и побеждать в подобной среде, нужны люди под стать природному материалу. О партизанке Сане Топпоевой так и говорят: «кременевая...»

Порой не один раз в день воинам приходится переправляться через многочисленные карельские озера и реки. Поэтому мотив переправы становится обязательным компонентом в художественной ткани произведения. В начале романа представлена оригинальная трансформация лирического варианта данного мотива. В народной песне переправа через реку ассоциируется со вступлением девушки в брак, функцию перевозчика выполняет жених. В романе встреча героев на воде, в момент популярного до войны большого заплыва молодежи с одного берега Онежской губы на другой, стала началом большой любви Марка Марина и Зои Перовской. Война разлучила героев и им предстоит пройти через многие испытания, чтобы встретиться и обрести семейное счастье.

Наиболее характерна для произведений о войне эпическая модификация этого мотива. «Обычно она связана с двумя функционально изоморфными странствиями — с путешествием в чужую страну и с мифологическим нисхождением в страну смерти»³⁰. Первый бой, описанный в поэме А. Твардовского «Василий Теркин», — это бой на переправе, границе между двух миров — Жизни и Смерти: «Смертный бой не ради славы, Ради жизни на земле».

В романе Чехова эпический вариант переправы связан не с образом мужчины, как в народной традиции, а с образом женщины. Автор описывает эвакуацию женщин и детей. Они переправляются через озеро и во время начавшегося обстрела все, за исключением Александры Топпоевой, погибают. С ребенком на руках она вplash преодолевает это пространство смерти и помогает осиротевшему на ее глазах подростку. Однако смерть настигает ее сына. На острове Александра оказывается вдвоем с чужим мальчиком, который помогает своей спасительнице прийти в себя от горя. Так герои в лице друг друга обретают новую семью и вступают в поединок со смертью: начинают мстить врагу за погибших. Финал-апофеоз символизирует победу жизни на земле.

³⁰Медриш Д. Н. Указ. соч. С. 196.

Образ переправы имеет символическое значение в романе Д. Гусарова «Боевой призыв» (1953—1957), повествующем о судьбах крестьян Заонежья. Не желая оставаться на оккупированной территории, колхозники решают переправиться через Онежское озеро. И здесь сорок семей оказываются перед выбором: либо отдать рыбацкие лодки раненым красноармейцам, либо уйти самим. Под пером автора эпический вариант переправы претерпевает трансформацию. Если в народном эпосе герои-воины спасают мирных жителей, то в романе женщины, старики и дети выручают бойцов, отдав им лодки. Эпическая ситуация обретает трагический смысл.

Национальное предание знает сюжет о гибели в болоте вражеского отряда и проводника-героя, сознательно заведшего недруга в трясины. Данная ситуация также в трансформированном виде используется Д. Гусаровым. Из-за стремительного наступления врага не удалось спрятать колхозное стадо, и пастух вынужден погубить беззащитных животных: заводит их в Бесову топь, где они «Мычат жалобно, на меня оглядываются ... Помощи ждут! У Веснянки только голова из трясины виднеется ... А глаза такие умные, человеческие глаза...» Эпический сюжет утрачивает свой героический ореол, но усиливается трагический пафос войны, несущей гибель всему живому.

Рассказ о несостоявшейся эвакуации населения, неорганизованном отступлении красноармейцев свидетельствовал о стремлении писателя быть верным правде истории. Однако полностью избежать мифологизации действительности ему не удалось, поскольку он оказался под жестким прессом критики, требовавшей изображать в «победном» ключе боевые операции, а подпольную работу в Заонежье как хорошо отлаженную систему, чего на самом деле не было.

В романе удачно разработана сюжетная линия, связанная с изображением жизни в оккупированной белофиннами деревне Туланде. Выразительны образы колхозной активистки Марии Гореловой, рыбацки Анфисы Сычовой, однорукого пастуха Антипа Грознова, мельника Ивана Кондратьевича Князева.

Как было отмечено рецензентами, авторской удачей стал образ Лукича. Новаторство писателя в том, что бремя ответственности он возложил на личность абсолютно негероического склада. Будто самой судьбой предназначено Лукичу быть если не изгоем, то постоянным объектом насмешек. Даже родной отец его не пощадил. Поняв, что не быть сыну рыбаком («Не вышел ни удалью, ни характером»), так саданул носком тяжелого сапога по лицу Андрея, что с тех пор тот «стыдливо прикрывает губой беззубую десну. ... и к месту и не к месту помаргивает глазами».

Оккупанты назначили Лукича старостой деревни, за что он стал презираем односельчанами. Старик тайно оказывает помощь подпольщикам, но сказать об этом никому не может, что усиливает мучительную двойственность его положения. Финны поручили Лукичу выступить по радио. Он обращается к землякам не с заготовленной для него речью, а со словом

правды. Однако его выступление не пошло в эфир. Но этот «нулевой» подвиг демонстрирует нравственную силу русского человека.

Неказистые герои и «нулевые» подвиги станут типичным явлением только в литературе 1960-х годов, поэтому для своего времени образ Андрея Лукича Юдина стал безусловным достижением.

Писатель преодолевает тенденцию карикатурного изображения врагов. Интересно раскрыты в романе образы финских «миссионеров», полагающих, что они принесли в Карелию свободу. Надеясь привлечь на свою сторону крестьян, они распускают колхозы и отдают землю в частное пользование, забывая, что нельзя «внедрить» демократию насильственным путем.

Своеобразен образ Суло Рохъянена. Крестьянский сын, он постепенно приходит к мысли о несправедливости войны, становится пацифистом и решает бежать домой, в Финляндию, но по дороге погибает от пуль соотечественников.

Действие романа Д. Гусарова выходит за пределы Заонежья (в книге — Заозерья) и простирается на Петрозаводск, Мурманскую область и Финляндию. Персонажи сражаются в армии и в партизанском отряде. Эти сюжетные линии менее удались прозаику. Схематичны образы коммунистов и комсомольцев.

Но постепенно автор отказывается от пафосного изображения партийного руководителя, о чем красноречиво свидетельствует наличие «пауз» во второй книге произведения. Персонажи начинают выпадать из характерного для панорамного романа героического времени (перестают, как герои В. Чехова, идти от подвига к подвигу) и оказываются в состоянии томительного ожидания. Так, поначалу подросток Ваня считает верным любой шаг, любое слово комиссара Шкапина. «И только теперь, когда миновала первая неделя пребывания Шкапина в Оленьем Логе, Ваня вдруг понял, что чуда не случится, что всех четверых ожидает жизнь не менее трудная, чем трехмесячное ожидание партизан».

Роман Д. Гусарова «Боевой призыв» стал примером постепенного перехода от идеологизированных схем к историческому осмыслению войны.

Примерно в те же годы, когда Д. Гусаров писал о событиях в Заонежье, А. Линецкий работал над тетралогией «Бушует Беломорье» (1954—1968), в которой через судьбы поморов пытался рассмотреть исторические коллизии XX века.

В первой книге тетралогии — «Поморье» прозаик искусно воссоздает быт локальной севернорусской общности людей со своим оригинальным типом жизнеустройства. Описывая, например, утро бедной поморки Дарьи, автор останавливается на изображении ее избы, передает особое настроение женщины перед молитвой, воспроизводит детали модельной одежды у старообрядцев: «белая холщовая рубаха и черный балахон со множеством нашитых от ворота до самого подола пуговиц. Крупные пуговицы означали 12 апостолов, а более мелкие — 33 ученика

на изображение противоречивых сторон жизни и человеческой природы. Если бы карельский прозаик исходил из логики данного образа и позволил его саморазвитие, то Егорка помог бы автору скрепить отдельные сюжетные звенья и выйти за пределы монологического повествования. Когда Егорка действует в стане противников советской власти, то провоцирует последних на саморазоблачение. Стоит герою оказаться среди членов партии, как прозаик начинает показывать последних только с положительной стороны, чтобы в зеркале их достоинств были особенно заметны пороки Цыгана.

Воля партии персонафицирована в романе в образе Василия Боброва. Как в средневековой литературе, где под влиянием христианских идей герой из грешника превращается в праведника, так и в литературе социалистического реализма все авторские усилия направлены на создание героя — образца для подражания. Но при всем старании романиста Боброву не дано связать многочисленные нити сюжета в единый узел. На композиционные просчеты произведения указал М. Гин: «Наблюдается, по существу, перерастание исторического романа в хронику исторических событий, в такую хронику, в которой логика развития характеров основных действующих лиц явно расходится с логикой развития событий»³³.

Один образ постоянен для всех частей тетралогии — это образ бушующего студеного моря, ставшего в роковые годы могилой для одних и началом нового плавания для других.

Несмотря на шероховатости, книги В. Чехова, Д. Гусарова и А. Линевского были с интересом встречены читателями и критикой того времени и не раз переиздавались. Несмотря на изданий выдержала книга воспоминаний Адольфа Тайми «Страницы пережитого» (1949). Произведение интересно прежде всего подробным описанием быта финских пролетариев, революционных событий в России и Финляндии. Книга значима и как факт овладения финном навыками русской писательской культуры.

Продолжалась работа писателей над материалами о Великой Отечественной войне. «Рассказы партизанок» (1948) А. Линевского записаны со слов рядовых участников войны. «Рассказ о подвиге» А. Иванова (1959) был основан на документальном материале, «Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. В. Лисициной» К. Чистова (1959) — на фольклорном, однако в обеих версиях героическая переправа девушек через Свирь становится ударным элементом повествования. Чем дальше событие уходит в прошлое, тем явственнее оно становится национальным преданием.

Истории близкой и далекой посвящены очерки сборника «На Олонекской равнине» (1957), книга повестей и рассказов А. Линевского «Мужество» (1960), повесть А. Старогиной-Фрейндлинга «Ровесники» (1960).

Родная земля хранит память о минувшем и помогает человеку в решении его насущных проблем. Не случайно в это время актуализируется

³³Карельская литература: Сб. крит. ст. Петрозаводск, 1959. С. 208.

строительства на перспективу автолежневой дороги. Новые руководители учитывают мнение рядовых тружеников и болеют за общее дело (очерк «Олонецкая равнина» Д. Гусарова, 1953).

Обычно перелом в делах и сознании тружеников наступал после партийного собрания — ключевого момента в произведениях. Столкновение противоборствующих сил в очерках не столько изображалось, сколько намечалось. Обязательным было положительное разрешение конфликта.

По существу, те же проблемы решали производственные повести тех лет: «Весной» Э. Кононова (1958), «Воз березовых дров» Ф. Трофимова (1959), «День прибывает» Н. Федорова (1960). Герой повести Ф. Трофимова журналист Миронов вынужден по решению бюро обкома партии возглавить районную газету. На новом месте он сталкивается со многими драматическими ситуациями, в том числе с несправедливостью по отношению к исключенной из партии доярке Платоновой. Отстаивая достоинство настоящих тружеников, он вступает в борьбу с демагогами и бюрократами, в чем ему помогает рабочая династия Андреевых. Заключает повесть типичный в искусстве тех лет образ весны и реплика-девиз главного героя: «Работать, работать надо. Дело делать. Сколько дела кругом!»³⁶

В очерках и «производственных» повестях герои проявляли достоинства и недостатки прежде всего в сфере производственных отношений. Отношение же к людям, чей стиль поведения не совпадал с общепринятым, было, как правило, отрицательным. В «городской» прозе высмеивались «стиляги» (рассказ Б. Шмидта «Пашка строит дом», 1958), разоблачались индивидуалисты (рассказ П. Гулятья «В грозу», 1956).

Верно отметила И. Лупанова, что в роли отрицательных персонажей выступали обычно яркие и способные люди³⁷. Показателен в этом отношении рассказ Ф. Нафтульева «Бенгальский огонь» (1957), герой которого, способный учитель литературы, становится «чужим» в школьном коллективе, поскольку, не в пример другой учительнице, не занимается с отстающими.

Неординарным, по-настоящему обаятельным человеком предстает герой повести Ю. Герта «Преодоление» (1958) Юрий Таланцев. Строптивому юноше не просто служить в армии. Однако по ходу событий действие вновь сворачивается к привычной схеме: не без помощи комсомольского вожака «индивидуалист» Таланцев начинает симпатизировать своему антитипу — сержанту по фамилии Дуб, добросовестному служаке и малообразованному человеку.

Поиски нового героя свидетельствовали пусть о робком и медленном, но высвобождении общества от власти тоталитаризма.

В целом проза 1945—1960 годов работала на социальный заказ. Но и скованная его рамками она постепенно переходила от мифологизированных схем к изображению реальной жизни, от модели идеального героя —

³⁶Трофимов Ф. Воз березовых дров. Петрозаводск, 1959. С. 201.

³⁷Лупанова И. Полвека. М., 1969. С. 415—420.

Е. Люфанова «У самого Белого моря» (1948), поскольку она несла в себе многие пороки директивной драматургии.

В результате на Всесоюзном смотре спектаклей на современные советские темы, объявленном в мае 1949 года, театр русской драмы не смог показать ни одной пьесы, рассказывающей о жизни республики. Основу репертуара составили пьесы «иностранцев» авторов, ранее удостоенных Сталинской премии, такие как «Московский характер» А. Софронова — пьеса, которую режиссер театра Б. Филиппов без лишней скромности назвал «новаторской» за то, что в основе ее лежит «конфликт между хорошим и лучшим, между лучшим и отличным», а все герои пьесы — «счастливые и свободные, окрыленные светлой мечтой, борющиеся за эту мечту люди»⁵².

После летних гастролей 1949 года в Ленинграде, где театр не смог показать ни одной пьесы из жизни республики, стал очевиден кризис местной драматургии. Не спасла положение и пьеса Д. Щеглова «Богатыри», премьера которой состоялась 25 января 1952 года. Хотя пьеса рассказала о современной жизни лесорубов Карелии и выглядела актуальной (один из режиссеров в поисках «натуры» выезжал к лесозаготовителям), однако ни «местный колорит», ни игра актеров, ни режиссерские находки не смогли спасти спектакль, в основе которого лежала крайне слабая в литературном отношении пьеса. Производственный конфликт, положенный в основу пьесы, привел к обилию узкопрофессиональных споров о способах валки и трелевки леса. Исход столкновения «новаторов» и «консерваторов» (схематизм образов бросается в глаза) был предопределен и не мог вызвать у зрителя никакого интереса. Упреки и нарекания высказанные в адрес пьесы Д. Щеглова сначала в «Правде», а потом в местной прессе⁵³, были, безусловно, справедливы. Впрочем, эти упреки можно было адресовать многим «рецептурным» произведениям тех лет, и хотя в прессе утверждалось, что «нам Гоголи и Щедрины нужны» и драматурги призывались «писать правду, как учит товарищ Сталин наших писателей»⁵⁴, но в театральной жизни властвовала риторика, многословие, идеологическая зашоренность. Не случайно участники Второго съезда писателей КФССР охарактеризовали драматургию самым отстающим участком литературы республики.

Лишь в условиях «оттепели» середины 50-х годов в драматургии намечалось продвижение к лучшему. Уже в 1954 году московский драматург А. Глебов назвал около двенадцати авторов, пьесы которых он читал, и решил, что многие из них можно довести до сцены⁵⁵. Попробовали свои силы в драматургии в эти годы П. Борисков, П. Гультей, Д. Гусаров, А. Иванов, Р. Корнев, В. Усланов и другие.

⁵²На рубеже. 1949. № 7. С. 80.

⁵³Леонтьев И. Театр и жизнь // На рубеже. 1952. № 7. С. 72—77.

⁵⁴Преодолеть отставание драматургии // Правда. 1952. 7 апр.

⁵⁵На рубеже. 1954. № 8. С. 48.

пьесе вложены в уста именно этого простого мужика: «Партийной книжке, конечно, верить надо. Но пуше всего — человеку».

Автор умеет несколькими штрихами подчеркнуть своеобразие характеров «шомпольных добровольцев» Пичугина и Бесплебнова, рыбака Кормыслова. Но есть в пьесе и чисто функциональные герои: капитан британской армии Дэкстон, полковник Кругляков, поручик Врублевский, комиссар Чернов-Балтиец. Явно выбивается из общей стилистики пьесы ее финал, где смертельно раненный Березкин обращается с патетической речью к зрительному залу.

Тема доверия к человеку, положенная в основу пьесы П. Борискова, сквозной линией проходит через пьесу Д. Гусарова и Н. Макеева «Страх и совесть», включенную в репертуар Петрозаводского музыкально-драматического театра в 1958 году. Пьеса была написана по первой части романа Д. Гусарова «Боевой призыв», посвященного партизанскому движению в Карелии в годы Великой Отечественной войны. Драматурги предприняли попытку сконцентрировать материал романа вокруг проблемы страха и совести. Изображение схватки двух воюющих сторон изображено в пьесе как столкновение двух идеологий. Советник Военного управления Восточной Карелией Коутеро ради «идеологической победы» пытается сменить политику кнута в отношении к местному населению на политику пряника: предлагает крестьянам в единоличное пользование землю; в обмен на предательство дарует жизнь бывшему милиционеру Семену Лакаеву; устраивает целую серию психологических ловушек для деревенского старосты Андрея Лукича Юдина, связанного с партизанами.

Образы Семена Лакаева и Андрея Лукича привлекают наибольшее зрительское внимание, хотя в художественном отношении они неравнозначны. В трактовке характера Семена чувствуется явная психологическая упрощенность. На протяжении всего действия он движим одним только чувством — «животным страхом». Если в романе он скрывался до поры до времени в каморке у Лукича, то в пьесе прячется в хлеву, где «как подбитый волк зализывает свои раны». Мотив вины Семена лишь однажды проскальзывает в сцене прихода его к слепой матери, которую он умоляет: «Прости хоть ты меня, мать-страдалица». Но в целом в пьесе мотив не получил углубленной разработки. Семена драматурги рисуют как индивидуалиста, в котором страх убил совесть сразу и навсегда. Совсем иного рода чувства испытывает Лукич. Свою службу у оккупантов он расценивает как «грех», а «грех всегда один... Перед самим собой, перед людьми, перед совестью». Потому и страх, который испытывает Лукич, совсем иного порядка. Не смерти он боится больше всего, а того, что люди не узнают о нем правды и на совести останется пятно предателя. Больше всего его страшит, что сын-красноармеец отвернется от его могилы. И потому, когда вынужден выбирать между жизнью и честным именем, совесть побеждает страх.

ГЛАВА IV

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ 1960—1980-х годов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Начало этого исторического отрезка длиной в три десятилетия отмечено прощанием с «оттепелью» и воцарением «эпохи застоя». Постепенно ушли в небытие живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию. Вновь обрело силу упрощенное понимание концепции социализма, что вело к затушевыванию негативных явлений, теневых сторон, трудностей и противоречий. Все, что в литературных трудах вызывало сомнение, казалось спорным, безжалостно снималось цензурой. Объем выходившего на русском языке в Петрозаводске журнала «На рубеже» был сокращен в 1958 году до восьми печатных листов при двухмесячной периодичности. С января 1965 года журнал стал межобластным, с марта начал выходить под названием «Север», а с 1966 года получил статус органа Союза писателей РСФСР. В конце 1970-х годов журнал «Север» распоряжением Главлита был поставлен на особое цензурование. Это означало, что в печать журнал подписывался в Петрозаводске, а окончательный выпуск в свет получал лишь после разрешения из Москвы.

В таких условиях, когда литература несла ощутимые потери в противоборстве с цензурой, писателям было вдвойне трудно донести слово правды до народа. Однако и в застойных условиях литература вела читателя к справедливости, доброте и разуму. Д. Гусаров, редактировавший в «застойные» годы журнал «Север», в одной из статей¹ вспоминал историю публикации повести В. Белова «Привычное дело». Чтобы спасти повесть, редакции пришлось пойти на изъятие важной аллегорической главы, передвинуть время в 1950-е годы, снабдить удивительно цельную и завершенную вещь примечанием «конец первой части». Однако и журнальный вариант повести В. Белова приобрел своего рода «манифестный» характер и вызвал появление целой когорты остро и ярко думающих писателей-«деревенщиков»,

¹ Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. 1990. №6. С.6—7.

оказал заметное влияние на развитие советской литературы. Такое же значение, но уже в истории «военной» и «исторической» прозы сыграли опубликованные в «Севере» повесть Д. Гранина «Наш комбат» и цикл романов Д. Балашова «Государи московские».

1960—1980-е годы были временем возникновения в русской литературе новых и любопытных явлений, когда, по словам С. Залыгина, «появились национальные поэты, национальные писатели, которые по-своему обогащают русское слово, русскую литературу», — новаторство их проявилось отнюдь не в создании небывалых прежде форм, а «в возрождении традиционности и в каком-то новом ее духе, обогащении традиции новым художественным образом»².

В прозе в середине 1960-х годов завершился «овечкинский» период деревенской темы, отмеченный появлением произведений, в первую очередь исследовавших общественную и производственную жизнь села, проблемы руководства, и стал очевидным поворотом писателей к проблемам народной этики, к нравственным истокам характера человека. В поэзии изображалась народная жизнь в ее развитии, высвечивался духовный, нравственный смысл крестьянского труда, звучали призывы беречь богатство и красоту природы, уважать философско-нравственный опыт деревни.

Русская проза Карелии этого периода достигла заметных результатов. Литераторы старшего поколения (А. Линевский, Ф. Трофимов) вышли к читателю с рядом произведений, в которых проявилась тенденция к эпическому отражению событий прошлого, многостороннему охвату действительности. Литераторы среднего поколения, прошедшие через горнило Великой Отечественной войны (Д. Гусаров, В. Соловьев), стремились с высоты лет осмыслить пережитое, понять и изобразить всю многослойность «судьбы человека». В их рассказах, повестях и романах искусным образом увязывалось прошлое с заботами сегодняшнего дня; психологический мир героев становился не только более широк и объемный, но и более отзывчив и чуток к многообразным проявлениям общечеловеческого бытия. Прозаические произведения входивших в литературу писателей (В. Пулькин, С. Панкратов) стали еще одним свидетельством возросшей тяги к воссозданию всей сложности и неординарности человеческой души.

Работая в общем русле русской литературы, писатели-северяне восприняли и творчески развили традиции глубинного постижения народного характера, психологически богатого раскрытия человека в его связях с жизнью, которые берут истоки в севернорусском фольклоре, в гражданских и художественных достоинствах бытовавшей на Севере средневековой русской литературы, в целой галерее ярких национальных характеров, созданных К. Батюшковым, П. Засодимским, Н. Клюевым, С. Писаховым,

²Пятый съезд писателей СССР: Стеногр. отчет. М., 1972. С.100.

А. Чапыгиным, Б. Шергиным и многими другими. «Русский Север всегда был хранителем замечательных традиций»³, — писал Д. С. Лихачев.

После создания в Петрозаводске регионального журнала «Север» русские писатели Карелии стали работать в условиях жесткой конкуренции. Только повышая профессиональную взыскательность и требовательность к себе, можно было рассчитывать на публикацию произведений. В этот период получили развитие большая, средняя и малая формы прозаического эпоса. Завершил работу над повествованием «Беломорье» А. Линеvский. Объективность и достоверность изображения, серьезный анализ социальной среды, раскрытие народных характеров в драматическом сплетении семейных и общественных конфликтов — все это привлекло к повествованию широкое внимание читателей. Писатель стал первым лауреатом учрежденной в 1969 году Государственной премии Карелии в области литературы и искусства. Эпическое направление в русской прозе Карелии получило развитие в романах Д. Гусарова «Цена человеку» и «За чертой милосердия». После их публикации в многочисленных отзывах отмечалось, что автор, максимально приближаясь к реальным фактам, сумел показать не только социальные, но и психологические, духовные, нравственные истоки героизма советского человека. Романы Д. Гусарова были опубликованы на чешском, венгерском и финском языках, а их автор удостоен Государственной премии Карелии. Наконец, в Петрозаводске в эти годы расцвел талант Д. Балашова, принявшегося разрабатывать темы древнерусской истории и открывшего романом «Младший сын» серию романов, посвященных становлению Московской Руси в сложнейших условиях татаро-монгольского ига XIII—XV веков. Историзм мышления Д. Балашова был обусловлен глубоким знанием исторических источников, древнерусской литературы и фольклора. Убедительно воссоздавая историческую атмосферу, представляя народную жизнь в ее целостности, Д. Балашов по праву занял видное место среди русских исторических романистов.

Жанр повести в этот отрезок времени оставался одним из ведущих в русской прозе Карелии. Книга повестей Ф. Трофимова «После войны», отмеченная Государственной премией Карелии, была обращена в сегодняшний день проблематикой и характером конфликтов. К жанру повести охотно обращались и другие прозаики. Если повести Д. Гусарова и О. Тихонова опирались на прочную документальную базу, то В. Соловьев и С. Панкратов растворяли эпические моменты (события, характеры) в потоке ассоциаций, лирических отступлений, углубленно разрабатывая «вечные вопросы» бытия: любви, смерти, смысла жизни, близости к природе.

В жанре рассказа уточнялась и углублялась концепция человека. Жизненные процессы представляли уже не «выправленными», не подогнанными

³ Лихачев Д. С. Лики слова // Лит. газета. 1984. 25 янв.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

3 том

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького,
Институтом языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской Академии наук*

Редактор Г. В. Козлова
Оригинал-макет Е. Е. Давыджова

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99. Подписано в печать 26.03.2001. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная UNION PRINTS. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 28,6. Усл. печ. л. 26,7. Тираж 500 экз. Изд. № 63. Заказ № 216.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

